

рогостечишь), во Своподь (Свободѣ), 8 Селокове (Шелоговѣ) горь (см. ДНД₂: 500). Остатки двух последних букв могут быть трактованы как нижние засечки *e* и *u*, что позволяет предполагать форму (во) [Гл]оу[бокеи]. Деревни с названием *Глубокое* (с вариантом *Глубокая*) неоднократно упоминаются в новгородских писцовых книгах, в том числе и в южной части Бежецкой пятины, где локализуются населенные пункты, названные в грамоте № 614. Правда, непосредственно связать какую-либо из них с точно идентифицируемой топонимикой грамоты не удастся.

В середине первой строки по низам букв читается: ...еѡ ·к· во ...; это существенно, так как показывает, что в грамоте, помимо записанного без титла 45, имелись и другие числа, большие десяти.

Приведем полностью текст грамоты в уточненном прочтении:

...[єх]ѡ ·к· [в]ѡ (во) [гл]оу[бокеи] ·ме·
 во строимине ·ѣ· во сельче ·ѣ· во доброкостечихо ·ѣ· во своподь ·ї·
 8 селокове горь ·ї· 8 лоуготь ·ѣ·

№ 616 (10-е – 40-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. В издании и ДНД текст дан со следующим делением на слова: ...естию до мене порозна | ...але будыше а то са ведаю. Такое словodelение оставляет неясной грамматическую структуру и смысл сказанного в первой строке. Прояснить их позволяет, как кажется, грамота № 745, где читаем: *Аже то лодиа прислана кылянина, обѣсти ж кѣназоу* ‘Если прислана лодья киевлянина, сообщи о ней князю’ (ж в данном случае употреблен в значении *ю*). Можно думать, что сочетание (*обести ю*) представлено и в рассматриваемой грамоте, причем антецедентом местоимения *ю* является слово, с которым согласовано прилагательное *порозна*, т. е. *лодьа*. Конструкция, в рамках которой эти слова соотносились таким образом, могла иметь вид: (*обести ю до мене, порозна (ли идет)*). Закономерно в таком случае и продолжение: (*А что дале будыше, а то са ведаю*. Перевод: ‘(Если будет ладья из ...) сообщи мне о ней, порожняя ли идет. А что заплагишь — за это я рассчитаюсь’.

№ 633 (сер. 20-х – сер. 50-х гг. XII в.; Б 6) [Г]. В ДНД текст грамоты передан так: ... | ... с[ѣ]кыроу гордоку а иване въде. В комментарии добавлено, что «перед с[ѣ]кыроу и в конце предыдущей строки видны нижние части ряда букв. Они допускают чтение [берьк]([о])[вьскь] или [берь]([ко])[вьскь]; но это ненадежно» (ДНД₂: 288). Изучение новой фотографии документа заставляет отказаться от этой конъектуры (в издании внесенной в основной текст грамоты). Приводим фотографию окончания первой строки и, отдельно, увеличенное изображение последних четырех букв.

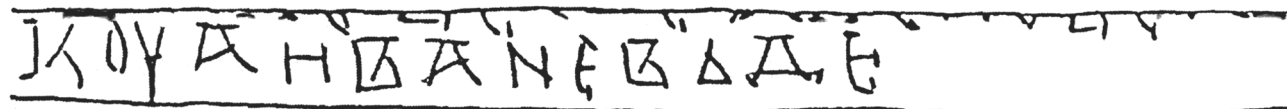
Букву, следующую за восстанавливаемым [ѣ] в окончании первой строки, нет никакой возможности трактовать как *p* — от нее виднеется низ правого косого штриха, подходящий, с учетом расстояния от предыдущей буквы, только для *a* или *l*, и точка, которая может быть кончиком левого косого штриха этих же букв; то есть от конъектуры с участием слова *берьковьскь* необходимо отказаться.

В то же время количество частично видимых букв, предшествующих надежно читаемому с[ѣ]кыроу, настолько велико, а нижние части их определяются в большинстве случаев настолько уверенно, что альтернативная и более полная реконструкция окончания грамоты оказывается вполне осуществимой задачей. Решение ее существенно облегчает то обстоятельство, что в почерке грамоты низ от *v* имеет несколько иной (скругленный) вид, чем треугольные нижние части *ь* и первого элемента *ы*; это различие можно смело экст-

раполировать и на соотношение начертаний б и ъ. С другой стороны, характерный начерк имеет к, которое невозможно спутать с другими буквами. С учетом этого, круг возможных вариантов идентификации частично сохранившихся букв первой строки оказывается следующим (приводим эти варианты в непосредственном сравнении с прорисью):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
-	б	-	н	с	б	с	д	с	а	н	с	н	о	б	с	л	ъ
	в		п	е	в	е		е		п	е	п		в	е	а	ь
			и							и		и					ѣ

Продолжение этого ряда на второй строке (до слова *съкыроу*) таково:

19	20	21	22	23	24	25											
-	о	б	ъ	с	к	ъ	с	ь	к	ы	р	о	у				
		в	ь	е		ь		ь									
			ѣ			ѣ		ѣ									

Для интерпретации всей этой цепочки принципиальной оказывается трактовка восьмого знака как *д*. Видимый от этой буквы косой штрих находится на таком расстоянии от предыдущей буквы, что может быть трактован только как левая ножка *д* — такого же, целиком уместяющегося в строке, как в словах *городкоу* и *вьде*. Поскольку в тексте первой половины XII в. сочетание *дс* немислимо, следующая буква может быть только *е*. Это означает, что перед однозначно читаемым далее *а* проходит словораздел. Несложно убедиться в том, что варианты прочтения следующих восьми букв складываются в единственную осмысленную цепочку: *а не повел-*, где форма глагола допускает двоякую трактовку: *повел(е)* ‘повел’ или *повелѣ* (аорист) ‘повелел’. Может ли одна из этих словоформ управлять одновременно В. ед. *съкыроу* и Д. ед. *Городкоу*? Очевидно, нет, если, согласно трактовке грамоты в издании, трактовать *съкыру* как вещь (топор), а *Городкоу* как форму личного имени *Городко*. Однако последняя словоформа может быть понята и как беспредложный дательный падеж топонима *Городокъ*; что же касается *сѣкыры*, то ее можно трактовать метонимически, ср. широко распространенную в более позднее время в грамотах формулу описания земельных угодий: *куда ходила коса и сѣкира* (см. примеры Слов. XI–XVII, 7: 357; 24: 38). «Секиру», способную «ходить», можно и «вести», особенно, понимая ее не в хозяйственном смысле, а как карающее орудие; ср. упоминание меча в библейском контексте: «Или если бы Я навел на ту землю меч и сказал: “меч, пройди по земле!” и стал истреблять на ней людей и скот...» (Иез. 14: 17). Фразу *повель ... сѣкыроу Городкоу* следует в таком случае понимать как сообщение об отправке к Городку карательного отряда. Для слова, обозначенного отточием, остается тогда позиция подлежащего или обстоятельства места, выраженного беспредложным локативом. Учитывая, что это слово, несомненно, содержало суффикс *-ьск-*, второе кажется более вероятным. Не пытаюсь пока реконструировать этот топоним, фразу в целом можно восстановить следующим образом: *А не повель Х-ьскъ съкыроу Городкоу, а Иване вьде* (см. буквы, выделенные жирным шрифтом, в приведенных табличках).

Такая реконструкция наталкивается на следующее грамматическое препятствие. В раннедревнерусскую эпоху при переходных глаголах с отрицанием регулярно употребляется родительный, а не винительный падеж. Однако, как показывает следующий пример из Синодального списка Новгородской 1-й летописи, употребление в этой позиции аккузатива всё же было возможно и в первой половине XII в.: *еп(с)нѣ и коупьце и слы новгородьскыя не поущахоу из Роуси* 1142, л. 22. Заметим также, что *съкыроу* в реконструируемой фразе соотносится не только с *не повель*, но и с *Ивань вьде*, чем мог быть дополнительно обусловлен выбор аккузатива.

В поисках конъектуры для первого топонима фразы, имевшего вид *Х-овьскъ / Х-обьскъ* или *Х-овьско / Х-обьско*, стоит обратить внимание на название ближайшего к Новгороду населенного пункта, в названии которого присутствует слово *Городокъ*. Это знаменитый *Холопий Городок*, находившийся на правом берегу Волхова, у места слияния его с Волховцом, в 14 км от оз. Ильмень. Древнейшим отражением этого названия является его немецкая калька *Drelleborch*, фигурирующая в договоре 1270 г. Новгорода с Ганзейским союзом как название последней остановки на Волхове перед Новгородом. С названием этого поселения перекликается окрестная гидронимика — оз. *Холопье* и р. *Робейка*, упоминаемая в данной Варлаама Спасо-Преображенскому Хутынскому монастырю как *Робья*. Нельзя ли предположить, что прилегающая к Холопьюму Городку местность носила в древности название *Робьско*? Топонимы, представляющие собой застывшие краткие формы прилагательных на *-ьск-*, хорошо представлены в ближайших окрестностях Новгорода (*Курицко*, *Клопско* и др.). Сделанное предположение хорошо объяснило бы соотношение двух топонимов, из которых первый обозначает местность в целом, а второй — ее укрепленный центр, к которому некто, чье имя было указано выше, отказался вести карательный отряд («секиру»), а Иван — ведет (или повел, если трактовать *веде* как аорист, что совсем не кажется невероятным)¹³.

В комментарии к грамоте в НГБ-IX В.Л. Янин предположил, что речь в ней шла о походе на Суздаль, возглавлявшемся посадником Иванком Павловичем и закончившемся поражением новгородцев при Ждане Горе, при котором Иванко Павлович и погиб. В предлагаемом прочтении грамота доносит до нас отголосок не отраженных летописью событий внутренней истории Новгородской земли, в ходе которых тот же Иванко Павлович руководил, как можно думать, подавлением беспорядков, вспыхнувших в северных окрестностях Новгорода. Заметим, что противопоставление «Х не повел..., а Иван ведет» вполне отвечает посмертной характеристике летописцем Иванка Павловича (и только его из всех погибших в битве при Ждане Горе) как «мужа храбра зело» (НПЛ [1134], л. 15).

В связи с предлагаемой трактовкой грамоты № 633 стоит вспомнить также относящуюся к этому месту легенду, записанную в XVI в. Герберштейном (1988: 150) и объясняющую происхождение названия Холопий Городок: «Когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня, их женам наскучило отсутствие мужей, и они вышли замуж за рабов. Наконец, завоевав город, победители-мужья возвратились с войны <...> Рабы же вознамерились силой не пустить в город своих господ, на супругах которых они женились. Тогда господа, возмущенные этим недостойным деянием, отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо имели дело с рабами, взяли за дубинки и плети; уstraшенные этим рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место, которое и поныне еще называется Хлопигород, то есть “крепость рабов”, стали там защищаться, но потерпели поражение и понесли от господ заслуженную кару». Не является ли этот легендарный сюжет отголоском реальных событий XII в., отраженных комментируемым документом?

№ 649+650 (кон. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. Первая строка № 649 прочитывается более полно, чем в издании: *оу озькъ оу обькъшь [с(ь)мга :в:] сьроцька*. Это древнейшее упоминание семги в русских источниках (в Слов. XI–XVII [24: 52] самый ранний пример — из текста конца XVI в.).

В середине первой строки № 650 без видимых альтернатив реконструируется: *[оу кьпр]е[ла]н[о]*. «Копре-лянами», с метатезой *pn > pr*, могли именоваться жители селения *Корпела*. Это название, распространенное в Финляндии и Карелии, носила, в частности, деревня в Приозерском районе Ленинградской области. С такой трактовкой хорошо согласуется и упоминание в грамоте семги.

№ 649+650 [3]. Грамота найдена на усадьбе Троицк. И (а не Ж).

¹³ Заметим, что словами *(и)[в](а)[не ве]д[е]* могла, судя по остаткам букв перед реконструируемым *А не повель*, заканчиваться и предыдущая фраза. Можно осторожно предположить, что два смежных предложения обладали одинаковой структурой, сопоставляя поведение в сходных ситуациях неизвестного нам по имени лица и Ивана.